

УДК 81.411.2-33

РУССКИЕ АНТИПОСЛОВИЦЫ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Кассина Т.А., Продайко В.Н.

*Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара,
г. Днепропетровск, Украина*

В статье рассматривается функционирование антипословиц русского народа с позиции методологии постмодернизма.

Ключевые слова: *паремия, антипословицы, демократизация языка, постмодернизм.*

Современная речевая и литературная языковая практика, а также практика средств массовой информации демонстрируют настоящее цунами экспрессивных форм лексики. Исследователи отмечают резкий рост использования так называемых трансформированных паремий – видоизмененных пословиц типа «тише едешь – никому не должен»; «чем дальше в лес, тем третий лишний»; «старый конь борозды не портит, а ложится в нее и спит» и т.п. Такие трансформации нередко именуется как антипословицы или квазипословицы. Это довольно яркое явление, и потому оно не могло пройти мимо внимания специалистов, которые, используя не только литературоведческий и лингвистический анализ, но и социологические, психологические, а также философские методы исследования, взялись за описание и систематизацию видоизмененных паремий, стараясь тем самым ответить на вопросы относительно природы их появления и механизмов функционирования, а также их роли в современном социуме. Несомненным успехом в этом направлении являются работы Х.Вальтера и В.М. Мокиенко, под авторством которых в 2006 году вышел словарь «Антипословицы русского народа», представляющий на сегодня наиболее фундаментальное собрание различных современных вариантов и переделок известных русских пословиц [1].

Многие исследователи, рассматривая квазипословицы или антипословицы в качестве формы «осмеяния» материнских пословиц или как ироническое «выворачивание наизнанку» вековой пословичной мудрости, придерживаются тезиса о природе экспрессивности в различных типах фразеологизмов. Не случайно специалист в области жаргона современной польской молодежи Е. Невзорова-Кмеч пишет, что сегодня в языковом фольклоре мы наблюдаем нарушение тех табу, норм и чувств, которые общество закладывает в сознание людей еще в их детстве [4]. Крупный американский паремиолог В. Мидер объясняет это тем, что в настоящее время в сознании людей укореняется представление об отсутствии в пословицах какой-то универсальной внеисторической истины и именно поэтому, как полагают Х. Вальтер и В.М. Мокиенко, «пословичная система ценностей вступает в

конфронтацию со здоровым юмором, едкой иронией или острой сатирой» [4]. В целом же не вызывает сомнения тот факт, и это подтверждается исследованиями русского, чешского, английского, немецкого, польского фольклора, что смеховую экспрессию в паремиологических неологизмах создает соответствующее противоречие между каноном и соответствующей формой его нарушения.

Полагаем, что рассматривать видоизмененные пословицы лишь в качестве своеобразного «стеба» недостаточно для более или менее полного ответа на поставленные ими же вопросы, поэтому *цель* данной *статьи* – попытка увидеть, какую пользу в этом вопросе могут принести методологические и методические достижения постмодернизма.

Одним из наиболее известных тезисов постмодернизма является понимание мира как совокупности различных текстов. Правда, при этом не следует забывать, что механизмом, который продуцирует все эти тексты, является культура. В свое время на это обратил внимание еще Ю. Лотман, когда подчеркивал, что тексты есть реализация культуры. Усматривая основную «работу» культуры в деле структурной организации окружающего человека мира, он специально делал ударение на том, что устройством, штампуящим указанную структуру, является как раз естественный язык в его различных формах. Важно также и его утверждение о том, что если одним культурам свойственно представление о себе как о совокупности нормированных текстов, то другие моделируют себя как систему правил, определяющих создание текстов [4, с. 492]. Последнее замечание приобретает для нас особое значение тогда, когда мы ищем ответ на вопрос о том, являются ли трансформированные паремии искажением (осмеянием, стебом, выворачиванием, отвержением) на лингвистическом материале тех или иных культурных реалий или это необходимая стадия развития данных реалий.

Если воспользоваться идеей Ю. Лотмана о существовании двух типов культур, несложно сделать вывод о том, что при первом типе культуры трансформированные паремии являются наступлением на некую «сакральность» наработанных обществом текстов, что, в конечном счете, означает собой попытку отрицания или дезавуирования определенного этапа развития общества. Во втором же типе культуры антипословицы уже не несут в себе ярко выраженного разрушительного начала, а выполняют некую «развлекающую» роль. Важно, что и в том и в другом случае мы имеем своеобразную, хотя и преследующую разные цели языковую игру. Такая игра, согласно теории постмодернизма, становится возможной именно потому, что культура представляет собою интертекстуальную реальность (Ю. Кристева), а не арифметическую сумму отдельных, да еще и автономных текстов. В такого рода реальности каждый текст может быть связан с любым другим текстом, причем независимо от его буквального значения или заложенной в нем той или иной нормативной истины, что и создает механизм осуществления языковой игры, выражением которой, в частности, и являются трансформированные паремии.

Согласно теории постмодернизма культура, не творится заново, а воспроизводится, причем нередко в неких пародийных формах. Другими словами, культуру, если рассматривать ее как набор текстов, не создают, а как бы складывают по-новому из уже существующих элементов прежней культуры. Именно в этом и

проявляется игровое начало как всей культуры, так и отдельных ее проявлений. А поскольку культурным устройством, организующим мир в определенную структуру, является язык, то становится очевидной неслучайность и важность той роли, которую выполняет языковая игра в жизни общества. Это прочувствовал еще видный поэт эпохи позднего немецкого Просвещения И. Гельдерлин, утверждавший, что язык есть самое опасное из всех благ, которыми пользуется человечество.

Понимание важности игровой роли языка, но уже на материале паремий можно обнаружить в утверждении В. Мидера, когда он обращает наше внимание на то, что «шутливая» или «серьезная» (выделено нами) игра с пословицами отнюдь не нова, хотя в последнее время она и приобретает особо заметные масштабы [3]. Объединяя мысль Ю. Лотмана относительно характера функционирования текстов в различных культурах со ссылкой В. Мидера на два варианта игры с пословицами, мы приходим к следующему выводу: то, что в одной культуре представляет собой серьезную игру, в другой есть всего лишь шутка. Следовательно, прежде чем рассматривать характер и механизм появления трансформированных паремий, особенности их функционирования, мы должны определиться с типом той культуры, внутри которой и исследуются видоизмененные пословицы. Мы убеждены, что невнимание к этой стороне вопроса и не позволяет увидеть многие характерные особенности квазипословиц именно в реалиях сегодняшнего дня. Еще раз обратимся к Лотману, который подчеркивал, что одним «из наиболее существенных вопросов является отношение культуры к естественному языку» [4, с. 486]. Это означает, что мы при анализе процесса функционирования трансформированных паремий должны ответить на вопрос о том, чем является культура, в которой происходит это функционирование, – «охранительницей» текстов или же набором правил, по которым создаются эти самые тексты. В первом случае «пародийность» квазипословиц есть форма отражения карнавальной смеховой культуры (М.М. Бахтин), при которой осмеяние традиции, «снижение» ее пафоса в действительности не отрицает вековой порядок вещей, а наоборот, с помощью «живого примера» напоминает о традиции, тем самым утверждая ее для передачи следующим поколениям [2, с. 28]. При втором же варианте мы имеем прямо противоположную ситуацию, где уже преследуется не цель сохранения и продолжения традиции, а как раз наоборот, ее разрушения и уничтожения. Иначе говоря, теперь перед нами вариант, о котором в свое время К. Маркс афористично заметил, что «человечество, смеясь, расстается со своим прошлым».

При поиске ответа относительно влияния культуры на ту социальную роль, которую выполняют трансформированные паремии, мы сталкиваемся с проблемой выбора социальной теории, обладающей соответствующим объяснительным потенциалом. Привычные для подобного рода случаев модернистские теории, опираясь на такие свои категории как прогресс и разум, логично приходят к выводу о «революционном» характере трансформированных паремий. Для доказательства этого они, как правило, ссылаются на модернистский принцип бинарных оппозиций, согласно которому буквально все может развиваться только в диалектической борьбе своих противоположностей (Гегель, К. Маркс). И тогда получается, что

антипословицы как противоположность пословицам выполняют определенную авангардную роль, отражая в ней прогрессивный ход общественной истории, осуществляемый в форме диалектического отрицания. Именно так понимают роль трансформированных паремий специалисты в этой области В. Мидер, Е. Невзорова-Кмеч, В.М. Мокиенко и ряд других, которые разделяют мнение о том, что антипословицы есть форма «осмеяния» вековой и уже потому отжившей мудрости.

Но подобное понимание есть не что иное, как выражение идеи классического детерминизма, характерного для методологии модернизма. Применение этой идеи для объяснения социальных явлений, в частности языковых процессов, порождает упрощенное, «механическое» представление о линейной динамике этих процессов, т.е. о наличии у них как начала, так и конца. Согласно этой концепции, развитие языка понимается как предзаданная безальтернативная реализация некоей общественной сущности. Отсюда напрашивается вывод о том, что эволюция языка есть лишь усложнение его организации на пути к достижению основной цели существования общества. А это, во-первых, отрицает наличие процессов самоорганизации в языковой системе, что противоречит современным научным представлениям, во-вторых, утверждает возможность какого-то исчерпывающего объяснения функционирования языка, в-третьих, отрицает многовариантность развития языковой системы, что не подтверждается практикой.

Ближе к действительности представление о том, что развитие языка многовариантно и потому в нем нет какого-либо единого определяющего начала. Это означает, что языковые процессы надо понимать не в духе классического функционализма, а в духе холизма, согласно которому динамическое существование целого предполагает как изменение роли отдельных его частей, так и существование у части возможности брать на себя функции целого. Отсюда мы делаем вывод о том, что цели существования языка меняются в ходе его развития, а потому меняется направленность языковых процессов и их функциональная нагрузка. Причем последнее происходит не постоянно, а только в момент прохождения языка через так называемые «точки бифуркации», представляющие собой «развилки», на которых язык принципиально непредсказуемым образом делает выбор в направлении своего дальнейшего движения. А это уже признание факта, что языку присущи процессы самоорганизации, которые вносят определенный «беспорядок» в его функционирование.

Заметим, что точки бифуркации присущи любой эволюционирующей системе. Например, филогенетическое дерево, изображающее историю развития жизни на Земле, имеет вид типичной бифуркационной диаграммы. Социологи также хорошо знают, что спокойные периоды развития общества чередуются с периодами социальных потрясений, когда за исторически ничтожное время распадаются традиционные социальные институты и возникают совершенно новые социальные образования. В этом плане из языковой практики последнего времени можно привести пример изменения роли ненормативной лексики в молодежной среде, при которой почти полностью утрачено ее экспрессивное значение.

Осознание сложности организации жизни общества, присутствие в ней необходимого для развития беспорядка и породил постмодернизм с его

оригинальной методологией познания, согласно которой следует отказаться от идеи универсальности таких качеств реальности как «прогресс», «новое», «центральное» и даже б кардинально переосмыслить само понятие реальности. Последняя стала пониматься теперь не как нечто независимое от нашего сознания, а как очень сложная знаковая система, включающая в себя бесконечное число «языковых игр» в виде столь же бесконечного числа текстов. Тем самым постмодернисты отказались вообще от понятия истины, понимая ее только как слово, как элемент текста, как сам текст, но не более. Если применить сказанное относительно постмодернистской методологии к объяснению антипословиц, то можно поставить ряд вопросов.

Во-первых, нужно ли вообще отличать антипословицы от пословиц, тем более в качестве собственных противоположностей. С точки зрения постмодернизма любые тексты, в том числе и их разновидности, в принципе равноценны и потому бесполезно усматривать между ними какую-то «вечную» иерархию или зависимость. Последнее устанавливает определенную линейность в развитии текстов, а следовательно, предполагает присутствие в них некоего «вечного смысла», переходящего из материнской паремии в ее трансформацию. Причем неважно, что происходит с этим смыслом – отрицается ли он или утверждается, но в новой форме. Главное, что он сохраняется. Это мы и отмечаем, когда рассматриваем вышеуказанные гипотезы М.М. Бахтина или К. Маркса. Но не случайно постмодернизм, постулируя прерывность реальности, ее фрагментарность и коллажность, отрицает эвристическую ценность так называемых «больших» теорий (нарративов), объясняющих единственно правильным образом какое-то явление от момента рождения до момента его гибели. Вместо этого обращается внимание на факт самоосуществления текста, его процессуальные характеристики как единственно возможные способы его бытия.

Следовательно, текст «материнской» паремии нельзя рассматривать как изначально презентующий какой-то исходный и притом единственно возможный объективный смысл, передаваемый затем в другие варианты этой паремии и который затем выявляется с помощью специальных герменевтических процедур. В действительности же каждый текст, в том числе и его видоизмененный «вариант», имеет своего автора или, в терминах постмодернизма, скриптора. Причем свобода последнего как раз и проявляется в произвольности центрации текста, его семантизации и семиотической вариативности. Важно, такая свобода появляется не как произвол скриптора, а как следствие принципиальной открытости любого текста, в нашем случае традиционной паремии, в плане возможности его изменения, причем изменения непредсказуемого.

Трансформированные паремии могут выполнять любые роли, а не только роль, скажем, «карнавала» или «агента революции». Все зависит от вызовов того общества, на которые они призваны ответить. В нашем случае, видимо, видоизмененные пословицы не имеют отношения ни к выводам Бахтина, ни к выводам Маркса. Указанные в них реалии относятся к другим социальным условиям, а не к тем, которые имеются сегодня. Для нашей же ситуации наиболее эвристичной является концепция гиперреальности известного французского философа Ж. Бодрийара.

Согласно его пониманию, в настоящее время культурные представления и знания уже не выполняют функцию описания реальности, утрачивая тем самым связь с ней и становясь свободными от нее. Бодрийяр назвал их симулякрами, т.е. явлениями, не имеющими никаких референтов. При этом существенно то, что такой разрыв не возникает одновременно, а проходит через ряд стадий. На первой – текст (знак, понятие, код) отражает объективную реальность. И тогда мы можем расшифровать данный текст применительно к той реальности, в которой он функционирует. Именно это мы и имеем в случае с идеями Бахтина и Маркса. На второй стадии происходит извращение связи текста с реальностью. На третьей – рассматриваемая связь исчезает, но это само исчезновение маскируется и потому об этом чаще всего невозможно даже догадаться. И наконец, на последней – четвертой – стадии всякая связь исчезает и возникает совершенно новая реальность – гиперреальность или искусственная реальность, в которой существуют только симулякры.

Если применить концепцию Бодрийяра к трансформированным паремиям, то можно заметить, что здесь мы наблюдаем весь спектр перехода от реальности к ее симуляции. В качестве примера приведем трансформации пословицы «одна голова хорошо, а две лучше». В частности, такие ее переделки как «одна голова хорошо, а двух не бывает», «одна голова хорошо, а две много» представляют собой стадию извращения связи материнской пословицы с содержанием той реальности, которое она призвана отражать. «Одна голова хорошо, а две некрасиво» – это третья стадия – стадия маскировки того факта, что трансформированная паремия уже не отражает никакой реальности. И, наконец, объединение двух или более форм в одну (контаминацию) представляют собой типичный симулякр, не делающий никакого различия между «словами» и «вещами». Например, «одна голова сытому в колодец не плюет», «одна голова хорошо: вылетит – не поймаешь». Все приведенные нами примеры показывают, что переделанные пословицы являются не столько выразителем какого-то исторического опыта, сколько своеобразным механизмом мистификации общественного сознания, что собственно и характерно для постиндустриального информационного общества, в котором все подчинено мощному и плохо структурированному потоку информации.

Выводы. Подводя итог сказанному, заметим, что появление огромного числа трансформированных паремий, в которых уже не отражаются «реальные» объекты свидетельствует о том, что в эпоху, когда основным источником знаний являются средства массовой информации, бытие человека в мире становится призрачным и неаутентичным. Это положение дел, как нам представляется, является точкой бифуркации, то есть тем состоянием языка, которое не позволяет в принципе спрогнозировать дальнейшее его развитие. Разумеется, что наши предположения требуют дальнейшей проверки как на других языковых подсистемах, так и на собственно трансформированных паремиях, но с использованием иных методологических концепций и методических приемов.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М. 1990.
2. Бодрияр Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодрияр. – К., 2004.
3. Вальтер Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб., 2006.
4. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман. – М.: Семиосфера, 2000.

Кассина Т.А., Продайко В.М. Російські антиприслів'я в дискурсивному просторі постмодерну // Ученые записки Таврического национального университета ім. В.І. Вернадского. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 2. – С.14-20.

У статті розглядається функціонування антиприслів'їв з точки зору методології постмодернізму.

Ключові слова: *паремія, антиприслів'я, демократизація мови, постмодернізм.*

Kassina T., Prodajko V. Anti-proverbs in post-modernist discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 2. – P.14-20.

The article deals whith functioning of the anti-proverbs of the Russian people from the position of postmodernist methodology.

Key words: *paremia, anti-proverbs, democratism of the language, post-modernism.*

Поступила в редакцію 20.04.2011 г.